

Лебедев А. П. Преосвященный Порфирий (Успенский): (По поводу столетия со дня его рождения: 1804—1904 гг.) // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 9. С. 81—103 (3-я пагин.).

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ПОРФИРИЙ УСПЕНСКИЙ.

(По поводу столѣтія со дня его рождения: 1804—1904 г.).

Въ родословной преосвященнаго Порфирія, составленной при его жизни и помѣщенной въ первомъ томѣ его обширнаго посмертнаго сочиненія: „Книга бытія моего“, представляющаго собою автобіографическія его записки, сказано, что онъ родился въ 1804 году (стр. V), а въ послѣднемъ томѣ того же сочиненія самимъ преосвященнымъ Порфиріемъ отмѣчено, что днемъ его рожденія было 8 сентября (Т. VIII, стр. 538). Отсюда открывается, что въ текущемъ году исполняется столѣтіе со дня рожденія названнаго преосвященнаго епископа.

Русская богословская наука и духовная литература весьма многимъ обязана необыкновенной просвѣщенной энергіи преосвящ. Порфирія: онъ принадлежалъ къ числу достойнѣйшихъ „почетныхъ членовъ Московской духовной Академіи“. Въ виду этого мы рѣшаемся сообщить нѣкоторыя наиболѣе интересныя свѣдѣнія о покойномъ преосвящ. Порфиріѣ, такъ какъ несомнѣнно его можно причислять къ замѣчательнѣйшимъ дѣятелямъ, украшавшимъ нашу церковь.

Къ сожалѣнію, не смотря на свой достоинства, эта личность довольно мало извѣстна такъ называемой большой публикѣ; это отчасти зависитъ оттого, что преосв. Порфирій не занималъ виднаго іерархическаго положенія, а отчасти и оттого, что дѣятельность его создалась внѣ предѣловъ нашего отечества, хотя и назначена была служить пользамъ этого послѣдняго.

Съ свойственными его литературному перу образностію и остроуміемъ, преосв. Порфирій писалъ: „кому я подобенъ? Орлу парящему по поднебесью. Орелъ! Куда ты летишь? На сѣверь. А почему ты озираешься на югъ? Тамъ мое гнѣздо“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ онъ указываетъ жизненную цѣль своихъ стремленій и трудовъ: „югъ“, т. е. христіанскій востокъ, на которомъ такъ много пришлось ему поработать.

При другомъ случаѣ преосв. Порфирій говорилъ: „ученіе есть страсть моя“ и прибавлялъ: „Порфирій, помни вѣчность, храни вѣру, надежду и любовь и служи наукѣ, а все прочее трънь-трава“ ²⁾. Дѣйствительно, наука составляла самое любимое его дѣло, и въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ.

О преосв. Порфиріи по отношенію къ изученію христіанскаго востока говорятъ: „можно съ полною достовѣрностію сказать, что ни одинъ изъ послѣдующихъ представителей Россіи въ Сиріи и Палестинѣ не ознакомился съ этими странами, личными наблюденіями, такъ обстоятельно, какъ архимандритъ Порфирій“ (онъ тогда еще не былъ епископомъ). При этомъ нужно замѣтить, что по словамъ преосв. Порфирія, онъ началъ это изученіе безъ всякаго предварительнаго книжнаго ознакомленія съ этими странами; да и не по чему было ознакомляться съ ними: тѣма окутывала отдаленный отъ насъ востокъ. Что касается достоянія, пріобрѣтеннаго имъ на востокѣ, то объ этомъ говорятъ такъ: „вывезенный имъ изъ странствованія по востоку научный матеріалъ такъ былъ обширенъ, что четверть столѣтія усидчивыхъ трудовъ такого работника, какимъ былъ преосв. Порфирій, не хватило, чтобы его разработать и вѣроятно столько же еще пройдетъ (это писано, нужно замѣтить, въ 1894 г.), пока онъ будетъ обнародованъ“ ³⁾. И это вполне

¹⁾ Книга бытія моего (дневники и автобіографическія записки еписк. Порфирія). Т. III, стр. 51. Спб., 1896.

²⁾ Тамъ же, стр. 141. Томъ II, стр. 376. Спб. 1895.

³⁾ Предисловіе къ I тому: „Книга бытія моего“. Самъ о себѣ преосв. Порфирій говорилъ: „меня zatrudняетъ большое количество матеріаловъ для науки, добытыхъ на Востокѣ. Едва успѣваю разработывать эти матеріалы. Наскучить мнѣ изслѣдованіе ересей, принимаюсь за исторію. Надоѣсть ова, пускаюсь въ область богословія. Перестану богословствовать, начинаю сличать св. тексты древности или заниматься исторіею изящныхъ искусствъ“. (Т. VIII, стр. 76).

справедливо. Мало того: мы даже думаемъ, что едва-ли когда увидить свѣтъ все то, что собралъ онъ въ книжныхъ сокровищницахъ Востока и что онъ же написалъ: всего этого такъ много, что можно только удивляться, какимъ образомъ одинъ человѣкъ, безъ всякихъ помощниковъ, со скудными матеріальными средствами успѣлъ столько поработать. Да, преосвящ. Порфирій былъ рѣдкостный ученый.

По окончаніи курса въ Петербургской Академіи со степенью магистра богословія, о. Порфирій скоро сдѣлался ректоромъ Херсонской семинаріи (въ Одессѣ). Но прошло еще немного времени, и онъ по распоряженію начальства посланъ былъ на Востокъ для ознакомленія съ нуждами православія въ Палестинѣ и Сири. Это было въ 1843 году, мѣстомъ его пребыванія назначенъ Іерусалимъ. Пребываніе его въ Іерусалимѣ на этотъ разъ продолжалось съ небольшимъ полгода (до августа 1844 г.). Дальнѣйшее время до половины 1846 года, архим. Порфирій провелъ въ путешествіяхъ по Аѳону, Египту и Синаю—съ цѣлю изученія главнымъ образомъ состоянія тамошнихъ монастырей. Въ 1846 году онъ возвращается въ отечество частію для того, чтобы дать отчетъ о своей командировкѣ, а наиболѣе для того, чтобы устроить дѣло открытія постоянной духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Это послѣднее дѣло, не смотря на разныя затрудненія, ему удалось довести до желаннаго конца. Въ юль 1847 года онъ самъ, архим. Порфирій, получилъ назначеніе быть начальникомъ первой русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. По разнымъ обстоятельствамъ, въ этотъ городъ онъ прибылъ не ранѣе февраля 1848 года. На этотъ разъ онъ пробылъ на Востокѣ довольно долго, до мая 1854 года, до начала крымской войны. Впрочемъ о. Порфирій не все это время безвыѣздно провелъ въ Іерусалимѣ, онъ не мало путешествовалъ въ то же время не только по Палестинѣ, но и по Сири для личныхъ наблюденій надъ состояніемъ церковныхъ дѣлъ въ этихъ странахъ. Возвратившись въ отечество и оставаясь въ Петербургѣ, онъ пробылъ здѣсь до 1858 года. За ревностные труды ему назначена была пожизненная пенсія въ 1000 рублей. Въ 1857 году отправлена была въ Іерусалимъ новая духовная миссія съ Кирилломъ, епископомъ Мелитопольскимъ во главѣ. А архим. Порфирій остался безъ должности. Но его

тянуло опять на Востокъ. И вотъ мы видимъ, что онъ въ третій разъ получаетъ командировку—ѣхать на Востокъ съ исключительно ученою цѣлю, для собиранія свѣдѣній о церковной архитектурѣ и живописи, для описанія церковныхъ утварей, библіотекъ и архивовъ и для возобновленія своихъ сношеній съ коптскимъ духовенствомъ (въ Египтѣ), чрезъ которое онъ думалъ привлечь коптскій монофизитскій народъ къ союзу съ православіемъ. На этотъ разъ о. Порфирій побывалъ въ разныхъ странахъ Востока и только въ 1861 году возвратился въ Россію. Какое ученое богатство собралъ онъ въ теченіе этого странствованія! Въ 1865 году архимандритъ Порфирій получилъ санъ епископа и назначенъ былъ Кіевскимъ викаріемъ, въ каковой должности и оставался до 1878 г. Будучи викарнымъ архіереемъ, преосвященный конечно не могъ отдавать много времени своимъ любимымъ ученымъ занятіямъ; тѣмъ не менѣе, не смотря на это, онъ немало издалъ и въ этотъ періодъ его жизни драгоценныхъ научныхъ матеріаловъ по востоковѣдѣнію и напечаталъ значительное количество своихъ самостоятельныхъ сочиненій изъ той же области знаній. Остатокъ своей жизни преосв. Порфирій провелъ въ нашей Москвѣ. Въ вышеуказанномъ году онъ назначенъ былъ настоятелемъ Новоспасскаго монастыря. Теперь у владыки было много свободного времени, и онъ безъ помѣхи могъ отдаваться ученымъ занятіямъ; но уже пришла старость, а за нею подвигалась и смерть. Однако и въ теченіе московскаго періода своей жизни великій труженикъ очень значительно потрудился для науки и съ большой пользой. Въ Москвѣ онъ прожилъ семь лѣтъ и скончался 19 апрѣля 1885 году, найдя себѣ вѣчное упокоеніе въ стѣнахъ Новоспасской обители.

Не розами былъ усыпанъ жизненный путь преосвящ. Порфирія.

Служеніе его на Востокъ въ качествѣ начальника Іерусалимской миссіи сопряжено было съ большими трудностями для него, которыхъ не могли препобѣдить ни его беззавѣтная преданность своему дѣлу, ни его энергія, ни его удивительная настойчивость и самоотверженность. Свидѣтельствуемъ объ этихъ затрудненіяхъ не самъ онъ, а лице, совершенно постороннее ему, нѣкто Мансуровъ, посланный въ Палестину для ознакомленія съ положеніемъ тамошнихъ

дѣлъ покойнымъ В. Кн. Константиномъ Николаевичемъ. Это лице составило обширную записку, изъ которой и узнаемъ, какъ тернистъ былъ путь, проходимый о. Порфиріемъ въ Іерусалимъ. Прежде всего въ руководство этому послѣднему дана была инструкція, исполнять которую не было никакой возможности. Видно, что составлявшіе ее почти не имѣли понятія о положеніи церковныхъ дѣлъ на Востокѣ. Инструкція предписывала слѣдующее: 1) имѣть въ Іерусалимѣ, какъ центръ православнаго исповѣданія на Востокѣ, представителей русской церкви и образецъ нашего благолѣпнаго служенія (sic!). 2) Преобразовать мало-по-малу само греческое духовенство (легко сказать!), возвысить оное въ собственныхъ его глазахъ столько же, сколько и въ глазахъ православной паствы. 3) Привлечь къ православію и утвердить въ ономъ (это въ чужой-то церкви!) тѣ мѣстные народные элементы (разумѣются главнымъ образомъ арабы-христіане), которые постоянно колеблются въ своей вѣрѣ, подъ вліяніемъ агентовъ разныхъ исповѣданій, и слишкомъ легко отступаютъ отъ православія, вслѣдствіе недовѣрія къ греческому духовенству и неблагоразумнаго (?) поведенія сего послѣдняго ¹⁾.

Читая подобную инструкцію, можно воображать себѣ, что начальникъ миссіи, архим. Порфирій при отправленіи на свое служеніе облеченъ былъ большими полномочіями; но на дѣлѣ ничего такого не было и даже встрѣчаемъ какъ разъ обратное. Не смотря на данное о. Порфирію пышное названіе начальника духовной миссіи, ему строго-настрого было вмѣнено не придавать себѣ и своимъ товарищамъ иного характера, кромѣ поклонническаго (т. е. выдавать себя за странниковъ по св. землѣ), не вмѣшиваться ни въ чѣмъ въ дѣла греческаго духовенства (?), ограничиваться лишь предложеніемъ совѣтовъ по мѣрѣ возможности, не вмѣшиваться въ житейскія дѣла нашихъ поклонниковъ (?) и вообще всячески стараться не возбуждать подозрѣній иностранныхъ агентовъ, чтобы не подать повода къ толкамъ о какихъ-либо скрытыхъ намѣреніяхъ Россіи. Такого рода предписанія, какъ само по себѣ понятно, лишали всякой возможности осуществлять на практикѣ вышеуказанныя

¹⁾ Книга бытія моего. Т. VII, стр. 127. Спб. 1901.

требованія инструкции. Къ тому же присоединились и другія существенныя затрудненія, связывавшія крылья „орла“, какимъ именовалъ себя о. Порфирій.

Обязанный явить предъ всѣми торжественность и благолѣпіе русскаго богослуженія и показать на Востокъ, каково должно быть и можетъ быть оно, архим. Порфирій не находилъ нигдѣ въ Іерусалимѣ ни своего угла для помѣщенія миссіи, ни приличной обители, ни даже церкви; онъ долженъ былъ выпрашивать все необходимое въ видѣ милостыни, какъ будто онъ былъ представителемъ незначительнаго христіанскаго исповѣданія. Въ отведенномъ для жительства миссіи Архангельскомъ монастырѣ была одна церковь, но эта церковь оказалась ветха, темна, бѣдна, некрасива и въ добавокъ была такъ мала, что въ ней съ трудомъ помѣщалось 25 человѣкъ, соборнаго же служенія въ ней совершать было нельзя. Доступъ въ церковь былъ не свободенъ, потому что впускъ въ монастырь зависилъ отъ привратника и мѣстнаго греческаго наблюдателя. Показывать блескъ нашего богослуженія въ такой церкви было невозможно; да къ тому же греческое духовенство старалось о томъ, чтобы ихъ паства (арабы) не имѣла доступа къ русскому богослуженію. Еще менѣе оказывалось возможности являть благолѣпіе нашего Богослуженія въ храмѣ Воскресенія и на Голгофѣ. Всѣ часы дня и ночи въ этихъ мѣстахъ были раздѣлены въ богослужебномъ отношеніи между греками, латинянами и армянами, и притомъ такъ, что и получаса не оставалось свободнаго, не занятаго. Для о. Порфирія возможно было богослуженіе въ этихъ мѣстахъ только случайное, дозволяемое греками, уступавшими иногда свой часъ ему, вслѣдствіе предварительной его просьбы.

Далѣе. Греческое духовенство смотритъ и всегда смотрѣло съ неудовольствіемъ на развитіе и укрѣпленіе православія среди негреческаго національнаго элемента, наприм. оно держало и держитъ въ загонѣ арабскую національность, не смотря на ея православіе. Слѣдовательно задачей архим. Порфирія, сообразно инструкции, было ослаблять гнетъ греческаго духовенства по отношенію къ мѣстнымъ народнымъ элементамъ, наприм. арабамъ, и содѣйствовать этимъ послѣднимъ сравняться въ своихъ христіанскихъ правахъ съ гре-

ками или по крайней мѣрѣ выдти изъ порабощенія имъ. Но ничего такого дѣлать не могъ о. Порфирій, такъ какъ ему предписано было придать себѣ, по возможности, безцвѣтный характеръ на Востокѣ, вести себя, являя собою безгласнаго поклонника, подчиненнаго мѣстной духовной власти. Такимъ образомъ отношеніе миссіи къ іерусалимской іерархіи вскорѣ выяснилось: рядомъ жили хозяева и скромные лишь терпимые гости, и для этихъ послѣднихъ оставалось одно—слѣдовать правилу: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Борьба съ западной пропагандой на Востокѣ, само собою понятно, являлась дѣломъ непосильнымъ для о. Порфирія и прочихъ членовъ миссіи. И этотъ пунктъ инструкціи оставался совершенно неисполнимымъ. Западная пропаганда имѣла успѣхъ на Востокѣ, потому что она пускала въ дѣло всѣ средства нравственнаго и матеріальнаго характера и при помощи этихъ средствъ убѣждала слабыхъ членовъ православія переходить къ инославію. Что же могъ противопоставить этой силѣ архим. Порфирій? Авторитета онъ никакого не имѣлъ: ему внушены были скромность и боязливость; матеріальныхъ средствъ въ его распоряженіи не было, а безъ денегъ, какъ извѣстно, и геній на Востокѣ ничего не сдѣлаетъ.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Посѣщали и другія невзгоды нашего іерусалимскаго начальника миссіи. На содержаніе миссіи назначена была достаточная сумма денегъ, но бѣда въ томъ, что эти деньги высылались такъ не своевременно, поздно, что миссія была почти всегда безъ денегъ и испытывала большія стѣсненія.—Архим. Порфирій всячески заботился объ улучшеніи дѣлъ миссіи, и поэтому входилъ съ разнаго рода планами и ходатайствами въ Петербургъ. Однакожъ онъ ничего не достигалъ. Какъ скоро онъ сообщалъ какія-либо интересныя свѣдѣнія въ Петербургъ, не прося ни о чемъ, ему оттуда отвѣчали одобреніемъ и увѣреніемъ въ томъ, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ; но лишь только онъ, основываясь на этомъ довѣріи, въ силу своей опытности въ мѣстныхъ дѣлахъ, начиналъ ходатайствовать о дѣлахъ, имѣющихъ практическое значеніе, касающихся достоинства и пользы Россіи, но связанныхъ съ денежными интересами, лишь только онъ требовалъ дѣйстви-

тельной помощи для достиженія указанной ему цѣли, тоже самое правительство отвѣчало ему глубокимъ молчаніемъ, и оставляло безъ вниманія указанія своего довѣреннаго лица.—Разумѣется такое отношеніе властей къ дѣламъ миссіи, какъ свидѣтельствуется цитируемая нами записка, дѣйствовало охлаждающимъ образомъ на горячность и усердіе архим. Порфирія; онъ потерялъ всякую надежду на возвеличеніе русскаго имени и русской православной церкви въ Палестинѣ, и вслѣдствіе полной невозможности дать теченію дѣлъ лучшее направленіе, онъ посвятилъ себя больше всего ученымъ трудамъ, въ которыхъ искалъ и находилъ утѣшеніе для себя ¹⁾.

Въ 1846 году, какъ мы упоминали выше, начальникъ іерусалимской миссіи долженъ былъ возвратиться въ отечество, точнѣе—въ Петербургъ, гдѣ ему пришлось тоже испытать много горестнаго. Но за то путь до столицы принесъ ему немало улады и утѣшенія. Обогащенный массой самыхъ новыхъ свѣдѣній изъ жизни Востока и разговорчивый архим. Порфирій встрѣчаемъ былъ многими русскими іерархами съ большимъ удовольствіемъ, наприм. Иннокентіемъ (Борисовымъ), епископомъ Харьковскимъ, знаменитымъ проповѣдникомъ и Филаретомъ Московскимъ. Особенно хорошо сохранились въ памяти о. Порфирія бесѣды съ великимъ іерархомъ Филаретомъ, которымъ онъ даетъ мѣсто въ своихъ „дневникахъ“. Видно, что этотъ святитель возбуждалъ большое уваженіе въ душѣ его. О Филаретѣ онъ такъ начинаетъ свою рѣчь. „Градъ Москва имѣетъ въ митрополитѣ Филаретѣ мудраго и благонравнаго архипастыря и краснорѣчиваго витію. Сегодня я сподобился видѣть серафимское лицо его, и повѣствовать ему о божіихъ церквахъ на горящемъ Востокѣ. Мнѣ было любо говорить уму и сердцу его, и я говорилъ свободно и съ воодушевленіемъ“ ²⁾. Приведемъ нѣкоторые изъ бесѣдъ Филарета и его гостя. Весьма горестно, повѣствовалъ гость, что надъ гробомъ Господнимъ находится мусульманскій харемъ (гаремъ).—Какой харемъ, спросилъ изумленный митрополитъ.—Женскій, отвѣчалъ гость. Уже столѣтія онъ существуетъ тамъ и по-

¹⁾ Тамъ же, стр. 128—140.

²⁾ Книга бытія моего. Т. 3, стр. 57.

мѣщается какъ разъ между двумя куполами (на крышѣ), изъ которыхъ одинъ накрываетъ ротонду гроба Господня, а другой храмъ Воскресенія.—Откуда же ходить въ этотъ харемъ?—Весь храмъ святогробскій, объяснялъ архим. Порфирій, накрытъ ровною и плоскою крышею; на эту крышу ведетъ лѣстница, устроенная со стороны улицы. Харемъ помѣщается такъ, что изъ него затворницы чрезъ оконце смотрять въ ротонду гроба Господня и иногда бросаютъ туда лимонныя и апельсинныя корки.—Боже мой, что я слышу—воскликнулъ митрополитъ. Затѣмъ онъ же добавилъ: когда графъ Орловъ отправлялся въ Константинополь, какъ чрезвычайный посланникъ, тогда я просилъ его включить въ договоръ съ Турціею параграфъ о ключарствѣ государя Императора въ храмъ іерусалимскомъ (интересное свѣдѣніе!). Пусть бы Онъ былъ ключникъ Гроба Господня. Но моя просьба не была исполнена.—По одному изъ вопросовъ между митрополитомъ и архимандритомъ возникло нѣкоторое словопреніе, которое однакожь не помѣшало общему удовольствію. Архимандритъ рассказывалъ слѣдующее: всѣ аѳонскіе монастырники и скитники вѣрятъ и учатъ, что потурчившійся христіанинъ можетъ спастись только тогда, когда раскается и послѣ чрезвычайныхъ пошеній и молитвенныхъ стояній пойдетъ въ магометанское судилище въ одеждѣ турецкой съ крестомъ или иконою въ рукахъ, дерзновенно проклянетъ здѣсь Магомета, исповѣдуетъ Христа, зашить судью и будетъ замученъ турками. Поэтому святогорцы охотно принимаютъ къ себѣ и даже сами отыскиваютъ такихъ несчастныхъ и методически готовятъ ихъ къ мученичеству. Затѣмъ приготовленные должны поступить по вышеписанному; а по смерти ихъ, святогорцы покупаютъ ихъ тѣла у мучителей, хоронятъ ихъ, а потомъ вырываютъ кости ихъ, украшаютъ серебряными окладами, выдаютъ за мощи и собираютъ дань съ народа. Въ другомъ мѣстѣ эти дѣйствія аѳонцевъ о. Порфирій называетъ мученикотворствомъ. „Владыка святыи, такъ закончилъ онъ рассказъ свой, надобно-ли признавать и почитать такихъ самозванныхъ мучениковъ? Тутъ между нами, замѣчаетъ повѣствователь, завязался споръ. Маститый митрополитъ былъ спокойнѣе меня. Онъ не одобрялъ вышеупомянутой выставки, если она дѣлается ради денежныхъ доходовъ, но

защищаль аеонцевъ и ихъ мучениковъ, ссылаясь на примѣръ древнихъ страстотерпцевъ, которые сами вызывались на мученія и которыхъ церковь вписала въ ликъ святыхъ исповѣдниковъ вѣры. Архим. Порфирій рѣшался въ присутствіи Филарета передавать даже потѣшныя восточныя свои наблюденія. Такъ смѣлый гость разсказываль сановитому хозяину. Въ одной церкви Лавры (на Аѳонѣ) одна картина недавней кисти потѣшила и насмѣшила меня. Царь Давидъ сидитъ на завалинкѣ, положи ногу на ногу и играетъ на арфѣ; подлѣ него трубачи трубятъ, что есть мочи у нихъ; барабанщикъ наяриваетъ на огромномъ турецкомъ барабанѣ; а юноши и дѣвицы въ кисейныхъ курткахъ и турецкихъ шароварахъ хороводомъ пляшутъ въ присядку. Митрополитъ разсмѣялся, а присутствовавшій тутъ ректоръ семинаріи захохоталь.... Иногда гость позволяль себѣ въ бесѣдѣ употреблять рѣзкія выраженія, отъ которыхъ онъ же и приходиль въ смущеніе. О. Порфирій разсказываетъ, что при одномъ такомъ случаѣ, „владыка взглянулъ на него значительно“, „и я прикусиль свой языкъ“, замѣчаетъ повѣствователь и перевелъ рѣчь на другіе предметы. Прощаясь съ іерусалимскимъ гостемъ, Московскій митрополитъ выразиль ему свое удовольствіе, съ какимъ онъ слушаль его разсказы о Востокѣ. Въ заключеніе архим. Порфирій замѣчаетъ, что по дорогѣ ректоръ семинаріи сказаль ему: „вы очаровали владыку. Никогда и ни съ кѣмъ онъ не сидѣль такъ долго послѣ обѣда (которымъ, нужно сказать, митроп. Филаретъ угостиль своего гостя). Вы обаяли его своими разсказами“ ¹⁾.

Изъ Москвы путникъ поѣхаль въ Петербургъ, но здѣсь его встрѣтили холодность и равнодушіе. Въ Александроневской Лаврѣ, гдѣ остановилься онъ, ему сначала не хотѣли дать отдѣльной кельи; это глубоко опечалило іерусалимскаго гостя, онъ писалъ по этому случаю въ своихъ „дневникахъ“: „птицы небесныя имѣють гнѣзда, звѣри лѣсныя и полевые свои логовища; даже у червяковъ есть свои норки. Одинъ я не имѣю своего уголка“. По прошествіи нѣкотораго времени, ему впрочемъ дали особое помѣщеніе, но оно okazaлось крайне неудобнымъ. Назначенная ему, келья была

¹⁾ Тамъ же, стр. 60—62, 67—68, 82, 85.

сыра, тѣсна и душна, она находилась надъ погребомъ, въ которомъ частенько, по словамъ о. Порфирія, обливали сѣрою горлышки пивныхъ и винныхъ бутылокъ. Наконецъ, гость вышелъ изъ всякаго терпѣнія и написалъ письмо намѣстнику Лавры, въ которомъ говорилъ, что если ему не дадутъ лучшаго помѣщенія, то онъ долженъ будетъ бѣжать изъ Лавры; угроза подѣйствовала ¹⁾. Но еще хуже въ положеніи архим. Порфирія было то, что онъ сидѣлъ безъ денегъ: даже заслуженнаго имъ жалованья почему-то не выдавали. Нужно сказать, что о. Порфирій къ денежнымъ и другимъ потерямъ относился чисто стойчески. Въ 1843 году, во время пребыванія въ Петербургѣ же, его обокрали: у него унесли 1700 рублей ассигнаціями, всѣ кресты и ордена и все столовое и чайное серебро. Покража была чувствительная, но о. архимандритъ отнесся къ ней философски. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: „на то шука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Какой-то плуть, мошенникъ обокралъ меня. Ужасно мнѣ жаль похищенной книжки, въ которой записаны были для памяти свѣдѣнія о состояніи Палестины и Сиріи. Видно, что воръ былъ человѣкъ неученый, острилъ потерпѣвшій, иначе онъ оставилъ бы мнѣ эту книжку, зная, что она дороже мнѣ тѣхъ денегъ, кои хранились въ ней. Не худо было бы внушить всѣмъ ворами, чтобы они не похищали у ученыхъ монаховъ ихъ книгъ и рукописей, а брали бы однѣ деньги, кои не такъ нужны имъ“ ²⁾. Но теперь обстоятельства настолько измѣнились въ положеніи нашего безсребренника, что онъ не зналъ, какъ ему быть безъ денегъ, а оныхъ у него совсѣмъ не было. Во время пребыванія на миссіи въ Іерусалимѣ и во время путешествій по Востоку, о. Порфирій, по очень уважительнымъ причинамъ, сберечь ничего не могъ. Пребывая на Востокѣ, онъ отчасти для поддержанія своего достоинства, отчасти изъ человѣколюбія, долженъ былъ дѣлать немалые вклады въ монастыри и монастырскія церкви, подавалъ милостыню бѣднымъ священникамъ и нищимъ, помогалъ разноплеменнымъ поклонникамъ и злополучнымъ арабскимъ семействамъ въ Іерусалимѣ, обижаемымъ со стороны греческаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 100, 109, 121.

²⁾ Кн. бытія моего. Т. I, 118.

духовенства, дорого покупалъ нужныя ему научныя свѣдѣнія. По его разсужденію, деньги, отпускавшіяся правительствомъ на содержаніе его, принадлежали не ему, а его дѣлу. Въ виду этого на Востокъ онъ тратилъ лично на себя лишь немногія сотни рублей. Аскетизмъ его простирался такъ далеко, что онъ не шилъ себѣ новаго платья, не дѣлалъ себѣ новаго бѣлья, такъ что онъ совсѣмъ обносился; у него остались только двѣ поношенныя лѣтнія рясы (а между тѣмъ наступилъ ноябрь) ¹⁾. Въ особенности его безденежье мучило его потому, что онъ вынужденъ былъ оставить безъ помощи своихъ кровныхъ родныхъ. „Эта мысль, признается самъ о. Порфирій, слишкомъ тяжелая, какъ острый камень, падала на мое сердце, и приподнявшись, опять падала и, выдавливая изъ него всю кровь и потомъ съ большою высоты падала и крушила его въ дребезги“. Дѣло въ томъ, что на иждивеніи о. архимандрита находилась „бѣднѣйшая“ его мать и „злополучная“ его сестра съ дочерью; для нихъ-то онъ и принялъ монашество: „для нихъ я отрекся отъ міра, дабы онѣ моею нищетою были богаты“, говорилъ онъ. И однакожь вмѣсто воображаемаго богатства, мать и сестра его обрѣтались въ „голодной нищетѣ“ ²⁾. Прискорбное положеніе; а нашему ученому мужу оставалось одно—терпѣть и скорбѣть. До какой крайней степени въ это время простирался у него недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, объ этомъ краснорѣчиво повѣствуетъ слѣдующій разсказъ самого бѣдствующаго: „капля дегтя нечаянно упала въ токъ моей жизни, и жизнь моя огоркла. Сапожникъ принесъ мнѣ заказанную обувь. Я примѣрилъ ее. Пришлась по ногѣ. Ремесленникъ потребовалъ деньги. Теперь у меня нѣтъ денегъ, сказалъ я, завтра отдамъ,—подожди.—Пожалуйте или деньги или сапоги, возразилъ онъ. Онъ унесъ съ собою новую обувь. А я босоногій, прибавляетъ о. Порфирій, босоногій бросился на постелю свою и зарыдалъ отъ того, что никогда не былъ нищимъ“ ³⁾.

Всѣ эти невзгоды совершенно обезкуражили петербургскаго гостя. „Видно, заслуженный архимандритъ — размышлялъ

¹⁾ Кн. бытія моего. Т. 3, стр. 108.

²⁾ Тамъ же, стр. 128.

³⁾ Тамъ же, 113.

онъ въ это время,—здѣсь цѣнится не болѣе, какъ выжатый лимонъ, не болѣе, какъ тряпка: однако и тряпку иногда берегутъ“. Среди этихъ горестныхъ размышлений ему приходило на мысль бросить клобукъ и рясу и бѣжать, куда глаза глядятъ ¹⁾. Что же при такихъ обстоятельствахъ оставалось дѣлать? Просить и унижаться. „Горюетъ пчелка Божія, пишетъ о себѣ о. архимандритъ; что же ты, пчелка, молчишь? Есть у тебя голосъ. Жужжи. Но жужжанья люди не любятъ! Не бойся людей. Итакъ я жужжу“ ²⁾. Наконецъ матеріальное положеніе его улучшилось. Вышелъ указъ, касающійся жалованья о. Порфирія. Объ этомъ указѣ самъ онъ говоритъ, что его онъ „выплакалъ“ ³⁾.

Кромѣ матеріальныхъ стѣсненій петербургскому гостю пришлось немало претерпѣть нравственныхъ огорченій, какихъ онъ совсѣмъ не ожидалъ. Начальство обнаруживало явное недовольство имъ. Мы точно не знаемъ, отчего это происходило. Но главная причина, думаемъ, заключалась въ томъ, что о. архимандрита не понимали. Онъ любилъ говорить „свободно“, но это было не по сезону; онъ писалъ „по вдохновенію“, т. е. подчиняясь сердцу и чувству, но отъ него требовали не „вдохновенія“, а сухой отчетности; онъ помышлялъ о славѣ и величій Россіи, а ему повсюду приходилось слышать: знай сверчекъ свой шестокъ. По приѣздѣ въ Петербургъ отъ него требовали, чтобы онъ скорѣе представилъ „отчетъ“, а онъ не хотѣлъ спѣшить и вмѣсто отчетовъ писалъ трактаты съ ученымъ аппаратомъ: на него смотрѣли какъ на чиновника, ожидали отъ него канцелярской работы, а онъ именовалъ себя „соглядатаемъ Востока“ и вѣрилъ, что у него накопилось много такого, чѣмъ стоитъ подѣлиться съ соотечественниками.

Какъ бы то ни было, начальство не думало идти ему на встрѣчу. Вотъ описаніе о. Порфириемъ одного изъ приемовъ, какіе онъ находилъ у тогдашняго Петербургскаго митрополита Антонія. „Брошень имъ суровый взглядъ на меня.— „Вы просите у меня милости, не будетъ вамъ милости“, немилостиво говорилъ митрополитъ. Передавая свѣдѣнія объ

1) Тамъ же, стр. 118.

2) Тамъ же, стр. 111.

3) Тамъ же, 121.

этомъ свиданіи съ Антоніемъ, нашъ горемыка припоминаетъ при этомъ слова греческаго поэта: „Есть нѣчто новое, придется мнѣ, горемычному пѣть горемычную пѣснь“ ¹⁾. Столь же не сочувственно принялъ его и тогдашній оберъ-прокуроръ Синода графъ Протасовъ. О. архимандритъ говорить объ этомъ такъ: „оберъ-прокуроръ, противъ моего чаянія, принялъ меня холодно. Знать какой-то черный котъ прошелъ между имъ и мною. Я ожидалъ, что онъ скажетъ мнѣ „спасибо“ за разумное исполненіе даннаго мнѣ порученія въ Палестинѣ, и будетъ спрашивать меня о Востокѣ“ ²⁾. Но ничего такого не послѣдовало. Протасовъ завелъ съ нимъ рѣчь о какихъ-то пустякахъ.

Въ виду такихъ встрѣчъ и пріемовъ архим. Порфирій не могъ отказать себѣ въ удовольствіи разказнить своихъ начальниковъ хоть своимъ перомъ. Въ его „дневникахъ читаемъ слѣдующія строки: „Антоніи, (разумѣется, митрополитъ), Иліодоры, Гедеоны (имена провинціальныхъ архіереевъ, членовъ Синода), сіятельные графы (Протасовъ) и презосходительные чины (наприм. Сербиновичъ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора)! И вы не боги; ибо нѣтъ въ васъ правды, милости и провидѣнія. Долой же съ пьедесталовъ! Ахъ! эти мраморныя статуи вооружены крѣпко. Не могу я разшибить и изпепелить ихъ. Нѣтъ у меня перуновъ. Но есть адамантовое перо. Пишу имъ на челахъ ихъ: „это—камни, но не тѣ, отъ которыхъ Богъ можетъ воздвигнуть себѣ чадъ“. Цѣлую тебя перо мое. Письмена твои неизгладимы во вѣки“ ³⁾. Но вслѣдъ за этимъ, писатель этихъ строкъ, идетъ къ обѣднѣ, чтобы, по его словамъ, каяться и благодарить Бога за все.

Безъ сомнѣнія, въ высшей степени было оскорбительно для ученаго архимандрита, что его отчеты прочитывали разные чиновники и позволяли себѣ по поводу нихъ дѣлать замѣчанія, какъ будто дѣло шло о какихъ-то школьническихъ задачкахъ. Такъ поступалъ Сербиновичъ. Призвавъ къ себѣ о. Порфирія, онъ заставлялъ его выслушивать свои замѣчанія объ отчетѣ этого послѣдняго. Сербиновичъ чи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 120.

²⁾ Тамъ же, стр. 103.

³⁾ Тамъ же, 101.

таетъ: „многострадальная церковь сирійская“ и заявляетъ: „вы поэтизируете“. О. Порфирій отвѣчалъ: „таково настроеніе моей души“. Далѣе критикъ читаетъ: „сирійскій архіерей есть человѣкъ Божій и вмѣстѣ человѣкъ народный“ (послѣдними словами указывалось на избраніе архіереевъ паствою въ Сиріи, по древнему обычаю). Прочтя эти слова Сербиновичъ укоризненно молчалъ, а о. Порфирій не счелъ нужнымъ входить въ объясненія. Затѣмъ тотъ же Сербиновичъ читаетъ въ отчетѣ: „греческіе архіереи слишкомъ ревностно и своекорыстно донесли 13-му апостолу“ и дѣлаетъ замѣчаніе: „вы колко иронизируете“. Въ отвѣтъ о. Порфирій сказалъ: „Антиохійскій патріархъ въ торжественномъ титулѣ именуется 13-мъ апостоломъ. Итакъ я намекалъ на титулъ, а не иронизировалъ“. Послѣ нѣкоторыхъ другихъ замѣчаній директоръ изволилъ сказать: „чѣмъ больше вы пишете, тѣмъ болѣе вы обнаруживаете себя“ (подразумѣвается, съ непохвальной стороны) ¹⁾. Странно, всякій неуч беретъ критиковать ученаго мужа. Другимъ непризваннымъ критикомъ отчетовъ арх. Порфирія является русскій посланникъ въ Константинополь Титовъ, бывшій въ это время въ нашей столицѣ. О. Порфирій пишетъ: „Титовъ сказалъ мнѣ тономъ недовольства, что моя записка о Сирійской церкви—болѣе политическая, нежели церковная и что въ ней упомянуты нѣкоторыя живыя служащія на Востокъ лица. Духовной особѣ, прибавилъ онъ наставительно, слѣдуетъ писать о предметахъ духовныхъ, а въ политическія дѣла вмѣшиваться не должно“ ²⁾. Какъ будто бы въ дѣлахъ Востока возможно найти грань, отдѣляющую религію отъ политики!

Въ довершеніе невзгодъ рѣшено было сослать ученаго архимандрита на жительство въ Сергіеву пустынь подъ Петербургомъ. Мысль о томъ, что его хотятъ посадить „подъ началь“, какъ выражались окружающіе, сокрушала его. Я хочу дѣла, говорилъ онъ, но гдѣ же мнѣ предстоить дѣло? „Въ пустынь? Ахъ! Не любо мнѣ половинчатое отрицательное существованіе въ пустынь теперь, когда жизнь можетъ дать сочные и благовонные плоды“. Сергіеву пустынь онъ называлъ „темницею“. И когда благодаря его настоячивости

¹⁾ Тамъ же, 135—136.

²⁾ Тамъ же, 138.

мысль эта была оставлена, онъ воспѣлъ пѣснь: „взбранной воеводѣ побѣдительная“ ¹⁾....

На этотъ разъ однакожь все кончилось благополучно для архим. Порфирія. Достоинства его немолчно говорили въ его пользу. И онъ въ 1847 г. отправляется опять на Востокъ во главѣ духовной миссиі, гдѣ онъ и остается до 1854 г. Восточная или крымская война заставила всѣхъ должностныхъ русскихъ лицъ, проживавшихъ въ Турціи—возвратиться въ отечество; то же долженъ былъ сдѣлать и начальникъ духовной миссиі въ Іерусалимѣ. Возвратившись въ Россію, онъ проживалъ, по прежнему, въ Петербургѣ. Не сладка была здѣсь жизнь его. Его помѣстили, по его выраженію въ „лаврскую темницу“ ²⁾. „Въ духовномъ вѣдомствѣ обдалъ меня холодъ“, замѣчаетъ онъ. Затѣмъ о. Порфирій сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своемъ первомъ свиданіи съ оберъ-прокуроромъ Синода Протасовымъ. „Протасовъ, выслушавъ вызванный имъ самимъ рассказъ мой объ аудіенціи моей у папы, и только этотъ рассказъ, простился со мной, отвернувшись отъ меня по солдатски направо кругомъ. Директоръ канцеляріи его, Сербиновичъ, прибавляетъ описатель, принялъ меня и отпустилъ, ни о чемъ не спросивши и извинившись какимъ-то недосугомъ“ ³⁾. Тогдашній митрополитъ Петербургскій Никаноръ относился къ арх. Порфирію безразлично и скоро умеръ. Смерть его вызвала у о. Порфирія замѣтку, что нечего сожалѣть о немъ. Вновь назначенный Петербургскій митрополитъ Григорій относился къ нему однакожь еще хуже. „Онъ былъ холоденъ“ къ о. Порфирію и казался „суровъ и недоступенъ“ для него, такъ что онъ восклицаетъ: „o, me miserum! O! me infelicem“ ⁴⁾. Вскорѣ за смертію Протасова, оберъ-прокуроромъ былъ назначенъ графъ А. П. Толстой, котораго арх. Порфирій не разъ называетъ „инквизиторомъ“ ⁵⁾.

При такихъ условіяхъ едвали могъ дожидаться чего-либо хорошаго архим. Порфирій въ Петербургѣ; и дѣйствительно

¹⁾ Тамъ же, 125. 127. 130.

²⁾ Кн. бытія моего. Т. VII, 37.

³⁾ Тамъ же, стр. 2.

⁴⁾ Тамъ же, 91. 93.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 45

послѣдоваль рядъ явленій, которые возмущали его духъ. Начать съ того, что ректоромъ Петербургской Академіи, на мѣсто знамениаго Макарія (Булгакова) опредѣленъ былъ ничѣмъ неизвѣстный іеромонахъ Теофанъ, входившій въ составъ Іерусалимской миссіи, управляемой о. Порфиріемъ. Затѣмъ, когда въ 1857 году возникъ вопросъ объ организаціи духовной миссіи въ Іерусалимѣ, архим. Порфирія обошли назначеніемъ, назначивъ вмѣсто него начальникомъ миссіи молодого инспектора мѣстной Академіи Кирилла съ возведеніемъ его въ санъ архіерейскій. Очевидно, начали смотрѣть на него, по его же выраженію, „какъ на выжатый лимонъ“. Это было крайне оскорбительно для него. Въ „дневникахъ“ о. Порфирія находимъ немало горестныхъ lamentацій, относящихся къ этому времени. „Скорблю о томъ, пишетъ онъ, что мнѣ не даютъ никакой высшей должности и тѣмъ безчестяютъ меня въ глазахъ православнаго на Востокъ духовенства, которому очень хорошо извѣстно мое имя. Лучше мнѣ умереть, говорю устами св. Павла, нежели терпѣть, чтобы кто-нибудь упразднилъ похвалу мою. Скорблю о томъ, что я осужденъ безъ суда какими-то непогрѣшными папами, усѣченъ до корня (я) живой, плодovitый. Никакъ не могу пріучиться смотрѣть на себя, какъ на придорожный пенъ, о который будетъ задѣвать всякое колесо, смазанное дегтемъ“¹⁾. При другомъ случаѣ онъ же писалъ: „о, зачѣмъ, мнѣ суждено имѣть большую извѣстность! Лодочки спокойно стоятъ въ пристани, а боевой корабль среди океана обуреваются грозными волнами. Тростинки растутъ роскошно на сырой землѣ, а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана, расщепляется молніею. О, недруги мои! Дайте мнѣ безвѣстность. Дайте мнѣ покой. Я васъ прощаю“²⁾.

Интересно знать, изъ-за чего въ настоящій разъ возникло недовольство и нерасположеніе къ арх. Порфирію. По Петербургу разнесся слухъ, что, живя на Востокъ, онъ, по примѣру восточныхъ іерарховъ, позволялъ себѣ ѣсть скромное. Этотъ слухъ особенно встревожилъ вышеупомянутаго оберъ-прокурора Толстого. Вѣсть объ этомъ прегрѣшеніи о. архимандрита постарались довести даже до слуха Госу-

¹⁾ Тамъ же, стр. 74—5.

²⁾ Тамъ же, 91.

даря Императора Александра Николаевича. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что, находясь въ Римѣ, нашъ пилигримъ безъ позволенія начальства представился папѣ, повелъ къ неожиданнымъ слѣдствіямъ: на него стали смотрѣть, какъ на какого-то отступника отъ вѣры ¹⁾. Къ тому же присоединились уколы разныхъ мелкихъ самолюбій. Вѣдь, о. Порфирій привыкъ держать голову высоко.

Въ Петербургѣ архим. Порфирію нечѣмъ было дышать. Да и начальство видимо тяготилось имъ. На выручку того и другого представился случай отправить о. Порфирія на Востокъ. Начальству это развязывало руки, а о. Порфирія избавляло отъ столичныхъ претреній. Этого ученаго мужа ничто такъ не улаждало какъ труды по изученію и изслѣдованію таинственнаго Востока. Не даромъ онъ самъ даетъ такое опредѣленіе своей личности. „Кто я? Весь мысль; и она вперена въ дѣла давно минувшихъ дней на Востокъ. Предъ нею встають мертвецы—цари и бояре, иноки и святые люди мірскіе. Сурово смотрю имъ въ очи и читаю въ нихъ правду. Вотъ мое дѣло и такъ я живу“ ²⁾. Это путешествіе ³⁾ о. архимандрита продолжалось, какъ мы знаемъ, отъ 1858 по 1861 г.

По возвращеніи въ Россію, до посвященія его въ епископы, онъ проживалъ въ Петербургѣ „не у дѣлъ“ ⁴⁾; но могъ ли хоть день оставаться безъ дѣла такой дѣловой чловѣкъ, какъ трудолюбивѣйшій архим. Порфирій?

Къ 1861 году относится нѣсколько любопытныхъ отзывовъ знаменитаго Московскаго святителя Филарета о нѣкоторыхъ проэктахъ и предпріятіяхъ архим. Порфирія. Все, что написано Филаретомъ, возбуждаетъ наше вниманіе. Таковы же и его отзывы по указанному поводу. Эти отзывы, нельзя скрывать, строги и не чужды ироніи. Но нужно сказать, что они не задѣвали самолюбія о. Порфирія и во всякомъ случаѣ не могли вредить ему. Въ „дневникахъ“ этого послѣдняго не встрѣчаемъ и тѣни неудовольствія съ его

¹⁾ Тамъ же, 45—46. 77. 86 и др.

²⁾ Кн. бытія моего. Т. III, стр. 111.

³⁾ Кн. бытія моего. Т. VII, стр. 168—9.

⁴⁾ Къ этому времени относится слѣдующая замѣтка арх. Порфирія: „мое житъе-бытѣе по прежнему незавидно. Судьба мнѣ не улыбається. Питеръ всѣ бока мнѣ вытеръ“. Тамъ же, т. VIII, стр. 76.

сторонѣ по отношенію къ сановитому святителю. Дѣло въ слѣдующемъ: въ головѣ арх. Порфирія созданъ проэктъ воссоединить съ православною церковію монофизитовъ, коптовъ и армянъ; вслѣдъ за этимъ отъ него полетѣли письма и проэктъ къ воссоединяемымъ и къ духовному начальству въ Петербургѣ. Это послѣднее въ виду серьезности дѣла отправило нѣкоторыя бумаги, сюда относящіяся, къ Филарету, испрашивая его мнѣнія. Митрополитъ отозвался. Вотъ нѣкоторыя его мысли по указанному поводу. „Архимандритъ въ письмѣ къ коптскому патріарху „объясаетъ прислать ему вѣникъ для очищенія коптской патріархіи отъ старой пыли“. Такое выраженіе, пишетъ святитель, было бы прилично, если бы писалъ комнатный служитель, у котораго вѣникъ, находясь часто въ рукахъ, зашелъ наконецъ и въ голову. Семь иподіаконовъ коптскаго патріарха въ стихаряхъ, съ ораями и свѣчами поютъ: „достоинъ есть“, литургійные стихи на греческомъ и наконецъ „французскій сонетъ“. Архимандритъ утѣшается надеждою, что коптскій патріархъ придетъ въ общеніе съ православною церковію. Подлинно ли важнымъ пріобрѣтеніемъ было бы для православной церкви имѣть въ общеніи патріарха, у котораго семь иподіаконовъ въ стихаряхъ, съ ораями, вслѣдъ за стихами изъ литургіи поютъ французскій сонетъ, котораго содержаніе архимандритъ не разсудилъ открыть“¹⁾. „Архимандритъ объясняетъ, разсуждаетъ еще Филаретъ, какимъ образомъ онъ въ 10 дней ввелъ бы въ общеніе съ православною церковію коптовъ, еслибы преосв. Кириллъ (начальникъ нашей іерусалимской миссіи) не отказалъ ему въ переводчикѣ. Онъ превознесъ бы похвалами предъ ихъ патріархомъ коптское богослуженіе, напомнилъ бы ему, что у насъ тѣже таинства, соборныя правила, иконопочитаніе и склонилъ бы его написать къ Свят. Синоду посланіе догматическое и просительное о покровительствѣ, въ которомъ бы не было упомянуто о двухъ естествахъ и о двухъ воляхъ во Христѣ; и это „увѣнчало бы миссіонерскій трудъ“ архимандрита. Какъ показался бы, вопрошаетъ критикъ, Свят. Синоду этотъ вѣнокъ? цѣлымъ или разорваннымъ? Мнимый

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. Московскаго. Томъ дополнительный. Стр. 556. Сиб. 1887.

мироворонецъ не привелъ ли бы Свят. Синодъ въ непріятное и затруднительное положеніе“ ¹⁾. „Архимандритъ говоритъ: „не удалось мнѣ это дѣло—возсоединеніе коптовъ,—потому что наше министерство иностранныхъ дѣлъ нѣмо на Востокахъ, а наша миссія въ Иерусалимѣ, послѣ павихидъ и молебновъ, ѣсть, пѣть, спать и во снѣ видитъ грѣзы“. Вотъ необыкновенное сцѣпленіе дѣлъ, восклицаетъ м. Филаретъ. Дѣло миротворства не удалось архимандриту потому, что Иерусалимская миссія ѣсть и пѣть. Итакъ оно удалось бы въ томъ случаѣ, если бы она перестала ѣсть и пить. Но положимъ министерство и миссія въ чемъ-нибудь неправы предъ о. архимандритомъ, но чѣмъ виноваты панихиды и молебны? Неужели и ихъ надлежало бы прекратить, чтобы удалось дѣло миротворства? Архимандритъ находитъ, что восточную церковь справедливо упрекаютъ въ безплодіи и что „она не Сарра, а Сара“. Архимандритъ думалъ возродить цѣлую церковь коптскую, но какъ это, по собственному его признанію, не удалось, и онъ не родилъ ни одной души, то хочеть утѣшать себя въ своемъ безплодіи, возлагая безплодіе на всю восточную церковь“ ²⁾. О. Порфирій создалъ еще какой-то проэктъ возсоединенія армянъ съ православною церковію. Нѣкоторыя части этого проэкта подверглись суду тогоже Филарета. Онъ писалъ: „арх. Порфирій говоритъ армянскому епископу Григорію: „перестанемъ употреблять въ катихизисахъ, въ богословскихъ системахъ, въ проповѣдяхъ, въ разговорахъ устарѣвшія и невнятные выраженія: два естества во Христѣ составляютъ одно естество или одну ипостась. Будемъ говорить проще и вѣрнѣе вотъ такъ: „Иисусъ Христосъ есть совершенный Богъ и совершенный человекъ, въ которомъ неслитно и неизмѣнно сохранились всѣ свойства Божества и человечества, по соединеніи ихъ“; какъ это исповѣдуете вы, исповѣдуемъ и мы.—Раздѣлимъ то, замѣчаетъ м. Филаретъ, что здѣсь смѣшано. „Перестанемъ говорить: два естества во Христѣ составляютъ одно естество“, какъ говорятъ монофизиты. Хорошо было бы, еслибы они перестали. Далѣе: „перестанемъ говорить: два естества во Христѣ составляютъ одну ипостась“, какъ испо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 559.

²⁾ Тамъ же, 560.

вѣдуетъ вселенскій соборъ и вся православная церковь. Слышите ли? Архимандритъ хочетъ, чтобы мы перестали исповѣдывать догматы, какъ исповѣдали его вселенскіе соборы и какъ исповѣдуетъ вся православная церковь. Неужели онъ думаетъ, что православная церковь на это согласится? Онъ говоритъ, что это „устарѣвшія, невнятные выраженія“. Неужели онъ думаетъ, что догматы составляются? Что вселенскій соборъ не умѣлъ выразить православное ученіе—внятно?“ Архимандритъ пишетъ: „будемъ говорить проще и вѣрнѣе вотъ такъ“; и засимъ предлагаетъ свою формулу выраженія для догматовъ о двухъ естествахъ и двухъ воляхъ во Христѣ. Но можетъ ли онъ идти выпросить утвержденія своему мнѣнію отъ отцовъ вселенскихъ соборовъ? Ибо православная церковь, безъ ихъ согласія, конечно не приметъ мнимо-вѣрнѣйшаго выраженія изъ устъ арх. Порфирія“¹⁾. Митр. Филаретъ вообще находилъ, что этотъ послѣдній слишкомъ увлекается въ своихъ порицаніяхъ. „Онъ платитъ, разсуждаетъ Владыка, не малую дань нынѣшней модѣ все порицать, потому что порицаетъ даже и себя, объявляя, что онъ только „въ 1845 году узналъ, что на этомъ свѣтѣ есть копты“. Не вѣрится. Не вѣроятно и то, будто его „пугнули“ за опытъ духовной статистики Востока. Печально видѣть, какъ арх. Порфирій противъ преосв. Кирилла за неприсылку переводчика усиленно вооружается колкостями. Но если вамъ пріятно, внушаетъ митрополитъ, миритъ съ своими чужихъ, помирите себя съ своими“²⁾. Есть и другіе отзывы м. Филарета относительно нѣкоторыхъ проэктвовъ о. Порфирія и его ученыхъ мнѣній, но и представленныхъ образцовъ, думаемъ, достаточно. Московскій святитель вообще былъ очень остороженъ вездѣ и во всемъ.

Послѣдніе годы жизни преосвящ. Порфирія, отъ 1865 года до 1885, когда онъ скончался, прошли тихо и безмятежно: частію въ Кіевѣ, гдѣ онъ исполнялъ должность викарія, а потомъ въ Москвѣ „на покой“, въ благоустроенномъ Новоспаскомъ монастырѣ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 557.

²⁾ Тамъ же, 558.

³⁾ Кіевскій и Московскій періоды жизни Порфирія описаны имъ въ VIII томѣ его „Кн. бытія моего“ (Спб. 1902)

Перечислить сочиненія преосв. Порфирія нѣтъ возможности, такъ ихъ много ¹⁾. Укажемъ лишь на два. „Востокъ Христіанскій: Аѳонъ“. Ч. I—III. Кіевъ, 1877. Этой исторіею аѳонскаго монашества, этимъ критическимъ произведеніемъ авторъ сплелъ себѣ неувядаемый вѣнокъ. „Книга моего бытія. Дневники и автобіографическія записки его“. Многотомное сочиненіе (издано Академіею наукъ). Спб. 1894—1902 г.г. А рядомъ съ этимъ сочиненіемъ трудно и поставить что: оно отличается замѣчательною обстоятельностью и глубокою наблюдательностію.

Преосвящ. Порфирій былъ по природѣ человѣкъ живой, словоохотливый, рѣчь его изобиловала мѣткими замѣчаніями и оригинальными оборотами (Я самъ имѣлъ удовольствіе, однажды вести съ нимъ долгую бесѣду, во дни уже его старости). Интересно отмѣтить, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ никогда не употреблялъ словъ, взятыхъ отъ иностранцевъ, а довольствовался реченіями русскими, и никогда въ его рѣчи не замѣчалось какой-либо скудости, вслѣдствіе этого. Примѣръ достойный подражанія, въ особенности для духовныхъ писателей. Слѣдовало бы обратить вниманіе на эту особенность литературныхъ трудовъ преосвящ. Порфирія и специалистамъ по части русской словесности. Преосвященный такъ много трудился ради науки и такъ много написалъ цѣнныхъ сочиненій, что его справедливо называютъ иногда даже „мученикомъ науки“ ²⁾. Да, его самоотверженность въ этомъ отношеніи по-истинѣ поучительна. Однихъ морскихъ путешествій онъ совершилъ, по его подсчету, не менѣе 46: 11 по Черному морю, 10 по Мраморному и Эгейскому, 16 по архипелагу и Средиземному морю, 8 по Адриатическому морю, 1 по Красному морю ³⁾. Въ похвалу преосв. Порфирію поставляютъ то, что онъ не пряталъ отысканныхъ имъ рукописей отъ взоровъ другихъ

¹⁾ Въ книгѣ г. Сырку: „Описаніе бумагъ преосв. Порфирія Успенскаго“ перечень печатныхъ сочиненій его занимаетъ стр. 399—408 (Спб. 1891). А въ настоящее время этотъ списокъ namного увеличился изданіемъ посмертныхъ сочиненій еписк. Порфирія.

²⁾ Проф. А. А. Дмитріевскаго, „Поминки пр. Порфирія Успенскаго“: Труды Кіев. Дух. Акад. 1886, т. I. стр. 390.

³⁾ Кн. бытія моего. Т. VI, 392.

ученыхъ, какъ дѣлають многіе ревнивыя своей славы; но охотно допускалъ пользоваться ими еще до ихъ обнародованія ¹⁾). Нельзя скрывать того (да не скрывалъ этого и преосвящ. Порфирій), что онъ мечталъ о европейской славѣ: ему казалось, что такой славы онъ заслуживаетъ. При одномъ случаѣ онъ писалъ: „богатства не желаю, почестями не дорожу, а долгъ и правду ставлю выше всякаго блага земнаго и думаю о славѣ..... ахъ, если бы она была европейская“ ²⁾). Но таковой славы, по нашему мнѣнію, онъ не успѣлъ достигнуть. Мало того: даже среди представителей русской науки имя преосв. Порфирія не особенно популярно. На это есть своя уважительная причина. Его сочиненія относятся къ различнымъ областямъ: и церковной исторіи, и изученія Св. Писанія, и христіанской археологіи, и этнографіи, и древностей вообще. Поэтому, специалистамъ нашего времени представляется, что его труды относятся къ какой-нибудь другой специальности, а не къ той, какой они сами заняты. Другими словами: разносторонность работъ преосв. Порфирія помѣшала ему специализироваться, а специалисты нашего времени этого не прощаютъ: если кто хочетъ, чтобы о немъ не забывали, тотъ долженъ крѣпко держаться одного опредѣленнаго знамени. Этимъ же объясняется и то, что въ нашей литературѣ такъ мало писано о трудахъ и заслугахъ изучаемаго нами лица. Даже появленіе въ свѣтъ „Книги моего бытія“ не измѣнило положенія дѣла. Подлинно, жаль.

Преосв. Порфирій былъ человѣкъ и имѣлъ недостатки, но его большія достоинства сугубо покрываютъ ихъ; и нѣтъ сомнѣнія, этого мужа христіанской науки и православнаго дѣла нельзя не причислять къ *благимъ дѣятелямъ* на нивѣ православной церкви.

А. Лебедевъ.

¹⁾ У проф. Дмитріевскаго, стр. 334. Слич. „Кн. бытія моего“. Т. VIII, 507.

²⁾ Книга бытія моего. Т. III, 119. Сравн. т. VII, 81.